

НАВЕРНОЕ, никогда еще Большой зал Петербургской филармонии не был свидетелем зрелища, подобного тому, которое состоялось на первом концерте открывшегося недавно Международного музыкального фестиваля «Петербургские встречи».

Фортепианный вечер известного европейского музыканта Валерия Афанасьева поделил зал пополам. «Фантастика!» — восклицали одни. «Издевательство», — отвечали другие. Критики справедливо заметили — равнодушных не было. Да, слушатель вел себя не в традициях филармонического зала: кто-то, чувствуя юмор, смеялся, кто-то пытался хлопать не к месту, кто-то спешно выходил вон, все-таки оглядываясь. Прочие пытались вникнуть в смысл.

Программа, заявленная в афише, уже сама по себе должна была привлечь слушателя «проницательного» — «ММ-51» Кагеля, пять пьес из «Макрокосмоса» Крамба и театрализованное представление по знаменитым «Картинкам с выставки» Мусоргского. Плюс — само имя удивительного пианиста. Да, Валерий Афанасьев, знакомый петербургскому слушателю как тонкий знаток классики, решил окунуть нас в мир современной музыки и современных форм исполнительского искусства.

«ММ-51» — обозначение определенного ритма, заложенного в механизм метронома. Пьеса «ММ-51» — маленькая история на тему рока, одна из тех, где существует «черный человек». Разгадывать «Макрокосмос» еще сложнее, своеобразные эпиграфы к пьесам этого цикла с названием знаков Зодиака кажутся порой даже ненужными. Авторская

фантазия (кстати, дополненная еще и самим Афанасьевым) настолько феерична, что слушатель затрудняется в выборе — слушать ли то, что звучит, или углубиться в познание театра, который царит на сцене — с кручением нот, с беготней, с устройством цепей на рояльных струнах и мычанием в микрофон (вследствие чего одна сидящая рядом дама высказала предположение, что эта вещь написана, судя по всему, в камерно-вокальном жанре).

Впрочем, в дальнейшем оказались скорее всего те, кто вменял в себя все. Зрелище — потому, что оно неотъемлемая часть этих произведений, созданных в семидесятые годы, когда в музыкальном авангарде шел активный поиск новых форм. Звук — потому, что он рождает богатейшие ассоциации и открывает порой действительно невероятные возможности этого прос-

того, казалось бы, явления физики. Афанасьев не только глубоко чувствует музыку звука и умеет достигать все его глубины и высоты. Он сплетает из него столь невероятный космос, который, возможно, и не снился авторам. Да, эта музыка далека от гармонической стройности Моцарта и сакральной философии Баха, но наша реакция на нее (столь неоднозначная), думаю, мало отличается от реакции на авангард во все эпохи — это нормально (!) для любого современного композитора.

Легкий шок в зале наступил с выходом на сцену господина Мусоргского в шелковом стеганом халате. Его усадили в большое кресло. Дали в руки стакан с водкой. «Все мы знаем его таким, каким он изображен на знаменитом портрете Репина...» Примерно этими словами пианист начал «Картинки с выставки». О чем этот мини-спектакль? Об всем. Хотя бы по этому можно еще раз убедиться в том, что глубоко ошибочно «привязывать» результат творчества Мастера к какой-то программе или фактам биографии. В «Картинках...» есть и герои Гартмана, и сам Мусоргский, выставленный хозяйкой на улицу, и

госпиталь — его последнее пристанище («Весь мир — огромный госпиталь...»), и русская водка, и мы с вами, и всепобеждающее быдло...

— Быдло. Масса... Она всегда права.

— Масса способна победить, но права ли?

— Будет права. Таков закон истории.

...Тишина. Тихий разговор. Концерт прошел. Афанасьев расстроен. Почти фиаско.

— Эта программа в том виде, каком вы ее увидели — с театром, с литературным текстом, — была впервые показана почти год назад. Странно, ее приняли даже самые консервативные залы Европы. «Мы предвкушаем, какой успех «Картинки» будут иметь в России», — говорили критики... Почему никому не приходило в голову уйти с половинной симфонии Бетховена?

— Многие воспринимаются как затажки...

— Он мне не свойствен. Я могу подыграть роли как актер, но как музыкант и писатель я выражаю то, что глубоко переживаю и чувствую. Я уверен, что во время таких концертов нельзя уходить. Публика обязана поощрять артистов! Если на сцену выхо-

дят серьезные люди — стоит довериться их мастерству и, даже если что-то не получится, досмотреть до конца и попытаться понять все, что они хотели этим сказать.

Сегодня Валерий Афанасьев входит в число ведущих современных пианистов. Ученик Эмиля Гилельса. Лауреат баховского конкурса в Лейпциге и Королевы Елизаветы в Брюсселе. В семьдесят четвертом году стал незвозвращенцем, за что, говорят, был заочно приговорен к семи годам тюрьмы. Дает до пятидесяти концертов в сезон. Записал много дисков. Его авторитет столь велик, что один из самых престижных залов Франции позволяет ему легкий наприз: выступать раз в год, в один и тот же день, в один и тот же час. Кстати, живет во Франции уже много лет...

— Несмотря на спорность многих моментов спектакля, меня безоговорочно убедило одно — трактовка самого музыкального текста. Хотя «ваш» Мусоргский не всегда соответствовал традиционным знаниям, он более современен нам, чем Чайковскому...

— Ну, негативное отношение Чайковского к его музыке известно. Мусоргский — вообще парадоксальная фигура. Он один из немногих ко-

мпозиторов, чья музыка не была запрещена на рассвете советской власти. (Его — за известные оперные народные сцены, Бетховена — за оду «К радости»). Музыка Мусоргского — это глубины, которые каждый открывает для себя. Я против установления жестких рамок в традиции, стиле. Понятие стиля должно существовать для тех, кто не способен перешагнуть его границы, а еще для тех, кто не желает в своей фонотеке иметь десять вариантов различных интерпретаций, например, Пятый Бетховена, а хочет иметь одну — лучшую, но традиционную. Кто сказал, что Моцарта или Баха надо играть только «так»? Что такое музыка — то, что записано в нотах, то, что звучит, или то, что мы слышим? Истинная музыка подобна Библии — книге Вселенной, которую мы всегда открываем заново.

ЗНАЮЩИЕ подтвердят — очень сложно одному человеку работать сразу в двух жанрах: драматическом и музыкальном. Трудно переключаться с голоса на рояльный звук. В роли пианистов много монологов. Эмоциональных, порой импровизационных, с подтек-

том. Несмотря на то, что не все литературные вставки одинаково удачны, чувствуется, что автор не чужд перу. И это так. Немногие в России знают, что Валерий Афанасьев — автор шести романов, два из которых — «Исчезновение» и «Падение Вавилона» — были опубликованы на Западе и имели известный успех.

— Некоторые сцены спектакля были значительно переработаны, а весь текст впервые переведен на русский язык. Вообще, я не пишу по-русски ни стихов, ни прозу.

— Но почему?

— Мне нравится преодолевать чужой язык — немецкий, французский, английский. Ведь известно, что истинным удовольствием становится тогда, когда получено через труд.

— Не так ли стоит подходить к современному искусству?

— Да, потому что желание получения быстрого и легкого удовольствия губит настоящее творчество. И в художнике, и в зрителе. Сегодня меня очень пугает коммерция в искусстве. От театра таких мастеров, как Крамо и Кагель, отказались именно потому, что удобнее стало заниматься коммерческим искусством. Ду-

ши губятся деньгами, и настоящий художник оказывается ненужным своему времени, если он оказывается вне коммерции. В «Картинках» я говорю о людской массе, о Гитлере и Сталине, как о вещах чудовищных. Но я готов оправдать даже эпоху Нерона только потому, что идеология любого тирана опирается на людскую массу. Денежный капитализм — бесчеловечен, а значит, бездуховен. Я люблю и понимаю толк в хороших винах, и сегодня мне не нравятся, что появилась мода на скороспелые вина — они выстаиваются в новых бочках из винограда, у которого удалена кожа. Они совсем не похожи на дедовские вина из старого пореба... Иногда мне кажется, что сегодня с искусства тоже «сняли кожу»...

Валерий Афанасьев со временем представит эту программу в Московскую консерваторию. В Европе скоро очередная премьера — спектакль «Крейслериана» по Гофману — Шуману — Афанасьеву. Будет досадно, если маэстро решит впредь радовать Петербург, например, только Брамсом.

Ника СТРИЖАК

СЛУШАТЕЛЬ ОБЯЗАН... СЛУШАТЬ!

До сих пор в Филармонии не спали в халате, не пародировали Ильича, не распивали спиртное и не падали со стула замертво...

Солена. — С. — Петербург. — 1992. — 23 июня.